

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ

Эстетический аспект исторического сознания и исторического бытия в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. В нашу задачу, однако, не входит обсуждение того круга проблем, который традиционно связывается с данным аспектом исторического (роль воображения в историческом исследовании, соотношение истории и литературы, специфика исторического языка, письма, нарратива, образности, соотношение художественной и исторической реальности, жанры и стили исторического письма, тропы и фигуры и т. д.) [1]. Нашей целью, скорее, является демонстрация того, как эстетический подход к истории способствует разрешению одной из основных ее методологических проблем. Для того, чтобы понять, в чем заключается эта проблема, необходимо обратиться к современной ситуации в методологии исторической науки и к ее историческим предпосылкам.

Общую схему развития методологии истории можно представить как колебание между крайними точками: научность/ненаучность, гуманитарное/естественно-научное, гуманитарное/социальное. На первом этапе историческая наука стремиться, как и все другие науки к позитивности и к отделению от метафизики, отождествляемой с мифом, идеологией или утопией. На втором этапе история стремиться отделиться от остального комплекса наук, обрести методологическую автономию, противопоставляя себя естественным и математическим наукам, о также социальным. Если результатом первого этапа становится рождение научной историографии с разработанным комплексом различных методов и методик исследования, то на втором этапе развивается собственно методология во всем многообразии ее направлений. Но далее колебания маятника начинают обратное движение. Третий этап — это попытка создать историю как междисциплинарную отрасль знания, соединив ее с математическими, естественными и социальными науками. Такой синтез и реинтеграция исторического знания связаны со школой «Аппалы», в рамках которой были созданы и математизированные (клиометрия), и естественно-научные (геоистория), и социальные (социальная история, гендерная история и т. д.), и гуманитарные (историческая антропология, история ментальностей, микроистория) направления исторического исследования.

Наконец, четвертый этап, определяющий современную ситуацию, является самым парадоксальным, ибо ведет к возвращению истории к не- и до-научному уровню (например, в концепции Х. Уайта, история предстает как пересечение литературного, метафизического и идеологического дискурсов). Чем же объясняется такая парадоксальная цикличность и симметричность в развитии методологии истории? Очевидно, что причина не является внешней и случайной (определяемой, например, развитием философии, других наук или общемировоззренческой ситуацией), но коренится в самой «природе» исторического. Чем же определяется эта «природа»?

На наш взгляд (и тут мы не оригинальны), вполне правомерно определить специфику исторического через категорию ценности. Этому способствует сама структура исторического бытия и его основные свойства. Со стороны объекта историческое бытие характеризуется: а) холизмом и органицизмом (что вносит в историю элемент случайного, иррационального, «хитрость разума»); б) многообразием, гетерогенностью, индивидуальностью, различием индивидов и обществ; в) самоценностью исторических эпох; г) духовностью (в противоположность вещественности), становлением (в противоположность ставшему), со-бытийностью (в противоположность фактической данности), со-временностью (в противоположность прошлому), свободой и открытостью (в противоположность завершенности и необходимости), а значит, личностностью и смысловой наполненностью [2]. Со стороны субъекта историческое определяется через конечность, ограниченность, относительность, временность и историчность самого субъекта, его сопричастность (вовлеченность, захваченность, включенность) истории [3]. Наконец, со стороны отношения субъекта и объекта (исторический опыт), история определяется диалогичностью, сопряженностью прошлого, настоящего и будущего, своего и чужого, Я и Ты [4]. Все указанные черты и позволяют говорить о ценностной природе исторического, если под ценностным отношением понимать способ освоения мира человеком в аспекте его значимости и смысла.

Впрочем, определение специфики исторического бытия и познания через ценность еще не дает нам понимания причин циклического развития методологии истории. Этой причиной является не само ценностное отношение, о его амбивалентности и антиномичности. Это свойство и создает такую парадоксальную ситуацию, когда историческая наука, с одной стороны, должна выбирать один из двух способов разрешения антиномии, а с другой, не может окончательно остановиться на одном полюсе противоречия

или совсем от него отказаться. Каковы же эти основные антиномии ценностного отношения применительно к исторической действительности?

1) Антиномия оценки и отнесения к ценности, проанализированная в рамках неокантианской методологии. Отнесение к ценности понимается при этом как теоретическая процедура и соотносится со свойствами исторического объекта, а именно с его индивидуальностью и целостностью. Оценка же носит практический характер и соотносится с интересами и потребностями субъекта [5]. Проблема состоит в трансцендентном, платонизированном понимании ценностей и неэлиминируемости оценок.

2) Антиномия внешнего и внутреннего, трансцендентного и имманентного, настоящего и прошлого, субъективного и объективного. Какой критерий («масштаб») оценки мы должны выбрать, оценивая прошлые эпохи — критерий современных ценностей или ценностей самого прошлого? Должны ли мы «судить» прошлое с точки зрения настоящего или настоящее с точки зрения прошлого, или у нас должен быть единый вневременной критерий оценки для любого периода исторического развития?

3) Антиномия временного и вечного, изменчивого и постоянного. Может ли оценка и понимание событий изменяться и углубляться с ходом исторического времени и развития, или же критерии оценки должны оставаться неизменными и строго определенными?

4) Антиномия индивидуального, социального и общечеловеческого. Должна ли оценка руководствоваться критерием индивидуального волеполагания, социальным критерием (классовая, партийная, национальная, государственная, религиозная истина) или общечеловеческими ценностями?

5) Антиномия качественной и количественной оценки. Как определить значимость того или иного факта — через его новизну, уникальность либо через его повторяемость, воспроизводимость, степень распространенности?

6) Антиномия теоретического и практического. Какие факты и события более важны, значимы и существенны: закономерные, либо те, которые представляют утилитарную (идеологическая, политическая польза) или моральную (нравственные и религиозные образцы поведения) ценность?

Как видно, перечисленные антиномии значимы как для уровня описания (отбор фактов — 1, 5, 6), так и для уровня интерпретации (2, 3, 4) в историческом познании, при этом все они достаточно тесно связаны между собой и выводимы из первой.

Разрешимы ли эти антиномии? Традиционно использовалось две стратегии их разрешения. Первая стратегия состоит в уклонении и отказе от ценностной природы исторического познания (сциентизм), а вторая — в гипостазировании ценностей либо оценок. Пути сциентизма многообразны. Первый путь — натурализация, когда историческое бытие отождествляется с природным и исследуется аналогичными методами (позитивизм в методологии, клиометрия и геоистория в историографии). Второй путь — социологизация, когда история превращается в резервуар фактологического «сырья» и сборник иллюстраций к законам и теориям социальных наук (позитивизм, марксизм). Третий путь — превращение истории в прошлое, отказ от возможности писать историю настоящего вследствие ее субъективности. Четвертый путь — превращение истории в хропику или даже хронологию («новая хронология»). Наконец, пятый путь — замещение истории комплексом обслуживающих ее дисциплин (археология, источниковедение и т. д.). Эти пути предполагают, как видно, не только уход от ценностной проблематики, но и выбор одной из сторон ценностных антиномий (теоретическая, количественная, внутренне-имманентная оценка). В любом случае при этом происходит объективация и деперсонализация (дегуманизация) истории, а значит, потеря сфокусированности на основополагающих характеристиках исторического бытия, выделенных выше.

Вторая стратегия представляется прямо противоположной. В ней объяснение, а иногда и понимание, уступает чисто оценочному уровню. История в этом случае приобретает характер идеологической пропаганды (марксистская классово-партийная историография), моральной проповеди (общечеловеческие ценности), мифа (вечные ценности) и прочих эссеистических, эпических и драматических форм историографии, извлекающей «уроки истории». Именно такой тип исторического сознания представлен массивом исторической литературы, документальных и художественных фильмов. На научном же уровне подобная стратегия ведет к замещению истории историографией (историей самого историописания) как совокупности различных интерпретаций и оценок одних и тех же событий. Неожиданным и парадоксальным предстает тот факт, что обе описанные стратегии прекрасно совмещаются, например, в марксистской историографии. Первый ход подобной методологии — превращение истории в прошлое, в объект. А второй ход — превращение истории в политику, «опрокинутую» в такое заранее подготовленное прошлое. В результате умерщвленную историю можно интерпретировать и оценивать как угодно, т. к. она уже

потеряла свою собственную жизненность и ценность. Иными словами, 2-я стратегия, как и первая, так же отвергает основные черты историчности, но не на пути объективации (антикваризации), а на пути субъективации (модернизации). И то и др. уничтожает живое историческое предание как диалог прошлого и настоящего.

Итак, мы проанализировали циклическое развитие методологии истории как выражение проблемы ее научного статуса. Мы указали причины такого типа развития — а именно ценностную природу истории и ее амбивалентность. Мы продемонстрировали и ложные пути решения этой проблемы. Последний наш шаг будет заключаться в том, чтобы предложить наиболее адекватный подход к разрешению ценностных антиномий истории — а именно, эстетический подход.

Как же этот подход способствует решению нашей проблемы?

1) Эстетическое отношение преодолевает антиномию теоретического и практического. По сути, эстетическое отношение вообще не стремится к отбору исторических фактов по тем или иным признакам значимости/незначимости. Эстетическое отношение воспринимает исторический объект в его целостности. Принцип целостности — это первый вклад эстетики в историю (сравните с неокантианским тезисом о том, что для исторического понятия важна оппозиция части и целого, а не общего и единичного).

2) Эстетический подход разрешает антиномию качественной и количественной оценки через конструирование типического образа, аналогичного художественному. Образ обобщает предметы, но не засчет гипостазирования повторяемости и воспроизводимости или исключения всего уникального и случайного, а именно за счет выражения всеобщего в индивидуальном.

3) Эстетический подход разрешает антиномию настоящего и прошлого с помощью двойного эффекта исторического образа — «эффекта реальности» («присутствия») и эффекта «остранения» [6]. Сочетание этих эффектов позволяет и погрузиться в прошлое, в образ жизни, картину мира и тип личности людей прошлого, и остаться в настоящем; посмотреть со стороны как на прошлое, так и на само настоящее; вступить в диалог с прошлым.

4) Эстетический подход разрешает антиномию индивидуально/социального/общечеловеческого. Эстетическое отношение формирует такого субъекта, который, оставаясь индивидом со своими потребностями, желаниями, интересами, эмоциями, чувствами, социальным положением в то же самое время переживает события как представитель всего человечества, т. е. неутилитарно, свободно и открыто.

5) Эстетический подход разрешает антиномию временного и вечного. Художественный образ многомерен и многозначен, открыт множеству интерпретаций и реинтерпретаций, являясь, по сути образом — символом. Эстетическое отношение как «целесообразность без цели» позволяет взглянуть на события как под знаком высших и вечных ценностей, которые постоянно ускользают от нас, так и под знаком индивидуальных оценок, которые в своем развитии перерастают сами себя.

6) Наконец, эстетический подход помогает разрешить и основополагающую антиномию оценки/отнесения к ценностям. Эстетическое отношение преодолевает узкопрактические, моральные и даже гносеологические оценки (полезно/вредно, хорошо/плохо, правильно/неправильно, добро/зло, истинно/ложно). В тоже время эстетическое отношение преодолевает платонизированное понимание ценностей как идей и идеалов, трансцендентных действительности, ибо наделяет ценность именно самой чувственной (либо воображаемую, наглядно представляемую) действительность. Эстетический подход к истории исключает возможность формирования кептавров квазинаучного и идеологического подхода к истории. Сохраняя ценностную природу исторического знания, эстетический подход следует логике самих этих ценностей и их воплощения в действительности, а не произволу оценок

Целостность, образность, неутилитарность, общечеловечность, свобода, синтез чувственного и рационального, символизм и другие характеристики эстетического способствуют, таким образом, и решению проблемы исторического. По сути, те черты исторической онтологии, которые мы выделили выше (индивидуальность, целостность, гетерогенность, самоценность, духовность, диалогичность, включенность человека), вполне применимы не только к историческому опыту, но и к опыту эстетическому. И тот, и другой тип опыта позволяет видеть новизну, уникальность, становление, странность и загадочность жизни, ее осмысленность и соизмеримость с человеком наряду с ее ипакостью и таинственностью: «Случайно на ноже карманном найди былинку дальних стран, и мир опять предстанет странным» (А. Блок).

1. См. об этом: Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. М., 2003; Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974; Он же. Искусство истории. М., 1980; Уайт Х. Метаистория. Екатеринбург, 2002.

2. См.: Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. С. 189–194; Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988. С. 245–267, 276–277; Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Автор и герой. СПб., 2000. С. 227–232.

3. См.: Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1999. Кн. 1. С. 70–71; Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопр. философии. 1998. № 4. С. 135–152; Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 372–403; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 240–253.
4. См.: Гадамер Х. Г. Истина и метод. С. 345–364, 409–426; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. С. 313–345.
5. См.: Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Философия жизни. Кисв. 1998. С. 207–208.
6. См.: Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. М. 1994. С. 213–224; Шкловский В. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 9–26.

Е. В. Катышевцева
г. Глазов

ПРОБЛЕМА САМОЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ А. ЗИНОВЬЕВА

Существует загадка философской антропологии А. Зиновьева. Она возникает как следствие учения философа о социальности. «Социальный крысятник», «человеческий муравейник», «социопе-ноз» которого представлен «некачественным человеческим мате-риалом» [1, 18], плохо проявляющим себя как в бывшей коммуни-стической России, так и на современном Западе. Представитель этой «социопопуляции» — «человек как совокупность социальных функций», «человек-пустышка, получающая значение лишь в кон-тексте общественных отношений» [2, 187, 188]. Что это, приговор человеку или саркастическая ирония по поводу его марксистской квалификации («совокупность общественных отношений»)?

Ни то и ни другое. Для философии как таковой — слишком узко. Где свет, где надежда, где гуманизм к человеку, без которых утрачивает смысл любая философия, превращаясь из самопозна-ния в саморазрушение? В качестве критики марксизма — слиш-ком остро. Нигилизм, как известно, это также принятие, но с про-тивоположным оценочным знаком.

На наш взгляд, концепция социальности А. Зиновьева пред-ставляет собой лишь фон для его антропологии, от начала до конца направленной на осмысление явления человека и его само-ценности. С своим антропологическим дискурсом А. Зиновьев на-поминает античного Диогена, ищущего человека днем с зажжен-ным факелом в руках. Рассмотрим его концепцию человека, сле-дуя за мыслью философа.

Понимание Зиновьевым социальности (коммунальности) про-сто и одновременно гениально. Социальность, согласно филосо-